

Карабахский конфликт в контексте общественно-политической жизни современного Азербайджана (дискуссионные аспекты)

Karabakh conflict in the context of social and political life modern Azerbaijan (controversial aspects)

Дворников В.В.

Канд. ист. наук, доцент кафедры религиоведения Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина

e-mail: dvel_08@mail.ru

Dvornikov V.V.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Religious Studies, Yelets State University named after I.A. Bunina

e-mail: dvel_08@mail.ru

Аннотация

Исследованы события общественно-политической жизни современного Азербайджана. В центре внимания – вопрос о статусе самопровозглашенной Нагорно-Карабахской Республики (НКР). Многолетнее противостояние с Арменией выражается в смене стадий замораживания и открытого вооруженного столкновения. Необходимость справедливого решения проблемы выступает важным фактором сплочения правящей партии, оппозиционных сил и различных слоев населения, выступая в качестве общенациональной идеи. Проанализированы принципиально значимые исторические, геополитические, политико-правовые, этноконфессиональные, медийные и иные сложности урегулирования конфликта.

Ключевые слова: Нагорно-Карабахский конфликт, Азербайджан, Армения, война, геополитика, противостояние, спорные территории, урегулирование, ирредентизм, взаимоотношения.

Abstract

The events of the socio-political life of modern Azerbaijan are investigated. The focus is on the status of the self-proclaimed Nagorno-Karabakh Republic (NKR). The long-term confrontation with Armenia is expressed in a change in the stages of freezing and open armed confrontation. The need for a just solution to the problem is an important factor in rallying the ruling party, opposition forces and various segments of the population, acting as a national idea. Analyzed the fundamentally significant historical, geopolitical, political and legal, ethno-confessional, media and other difficulties in resolving the conflict.

Keywords: Nagorno-Karabakh conflict, Azerbaijan, Armenia, war, geopolitics, confrontation, disputed territories, settlement, irredentism, relationships.

Спустя три десятилетия после падения СССР бывшие союзные республики в составе СНГ и автономно строят собственную модель государственности. Специфика политического курса в каждой стране определяется тем, насколько успешно был преодолен глубочайший кризис переходного периода. В начале XXI в. в ряде стран (Россия, Белоруссия, Казахстан, страны Прибалтики) обвал в экономике, катастрофическое падение уровня жизни, сокращение численности населения были в

основном преодолены, а в других затянулись на длительный срок (Молдавия, Украина, Грузия, Киргизия).

В нынешнем Азербайджане безвременье «лихих девяностых» завершилось уже на рубеже веков. С конца нулевых наблюдалась стабилизация в экономике и общественно-политической жизни. Государство получило международное признание, став одним из значимых политических игроков на Южном Кавказе. Многие трудности были преодолены в период 1993–2003 гг., благодаря прагматичной и сбалансированной политике национального лидера Гейдара Алиева (1923–2003). Установившийся автократический режим соответствовал сложившейся ситуации. При неизжитых элементах административно-командного метода и сметающем все заслоны первоначальном капитализме он гарантировал минимум системности и организованности при переходе к гражданско-правовому строю. Обвинения противников в засилье «нахичеванского клана», масштабах коррупции, фальсификации выборов и даже наличии политзаключенных не становились аргументом в пользу оппозиции, не вызывая заметных протестов. Общее направление курса сохраняется и в последние два десятилетия при его приемнике, сыне Ильхаме Алиеве. В отличие от других стран Закавказья наметилась положительная динамика развития, обусловленная экспортом энергоресурсов и умелым лавированием между главными плюсами силы – «северным медведем» (Россия) и «южным лисом» (Турция).

Основным фактором сплочения различных социальных слоев вокруг власти в последнюю четверть века, парадоксальным образом, выступает возведенная в ранг общенациональной идеи – необходимость справедливого решения Нагорно-Карабахского вопроса. Потеря значительной части территории вследствие поражения в 1-ой Карабахской войне с Арменией 1991–1994 гг. стала структурообразующим механизмом, интегрирующим различные компоненты политической системы и активизирующим пассионарность общества. В этом отношении, как отмечает Афат Рагимова: «...когда государство находится в состоянии войны, внутривнутриполитические проблемы на какое-то время отходят на второй план, а тем более, когда оккупированы 20% территории республики. В таком случае объединение и консолидация всех политических сил страны является приоритетом в их деятельности. Сегодня Азербайджан нуждается в единстве всех политических сил в целях разрешения Нагорно-Карабахской проблемы, с последующим возвращением оккупированных Арменией территорий» [14, с. 132]. Возвращение земель и стратегического перевеса в 2020 г. после победы во 2-ой Карабахской войне, однако, как показали дальнейшие события, не позволили Азербайджану решить проблему окончательно, наметив лишь новые болевые точки исторического конфликта.

Цель данного исследования – рассмотрение дискуссионных аспектов социально-политической жизни Азербайджана, обусловивших причины, генезис, специфику так называемой карабахской проблемы. В работе будут показаны исторические, геополитические, этноконфессиональные и иные аспекты ее возникновения, амбивалентно повлиявшие на консолидирующие и реваншистские векторы в общем процессе формирования современной азербайджанской нации.

С начала активной фазы карабахского конфликта в 1988 г. он оказывал самое непосредственное влияние на интенсификацию борьбы за власть (как в Азербайджане, так и в Армении). В последние годы перестройки непопулярного представителя шушинского клана Абдурахмана Везирова на посту Первого секретаря ЦК в 1990 г. сменил бакинский интеллигент Аяз Муталибов, занявший жесткую позицию в отношении мятежной области. Став первым президентом суверенного Азербайджана, не имея клановой поддержки и плохо владея азербайджанским языком, он не имел долгосрочных перспектив, после тяжелых военных поражений досрочно лишившись высокой должности. Приход к власти в июне 1992 г. лидера самой влиятельной в стране политической силы прозападной ориентации Народного фронта Азербайджана (НФА), бывшего диссидента Абульфаза

Гадиргулу-оглы (Эльчибея) (1938-2000), с одной стороны – был совершенно закономерен, с другой стороны – изначально предрешенным в силу и военных неудач и центробежных процессов в государстве (мятеж полковника Сурета Гусейнова, демарш талышей). Вопреки популярности демократических идей, распространяемых талантливыми политиками и публицистами НФА (Юсиф Самед-оглу, Анар, Лейла Юнусова, Тофик Гасымов) вследствие неудачного хода Карабахской войны в обществе утвердился противоположный императив – «наведения порядка жесткой рукой». Это предопределило возвращение во власть самой сильной на тот момент политической фигуры – Г. Алиева.

Особую роль в новой политической системе стала играть централизованная партия власти «Ени Азербайджан» (Новый Азербайджан), неизменно провозглашающая в качестве приоритетной задачи решение карабахской проблемы. В первые годы оппозиция играла существенную роль и правящей власти приходилось с ней считаться. Одной из влиятельных была Партия национальной независимости Азербайджана (ПННА). Ее лидер, Этибар Мамедов, будучи военным советником при Эльчибее, смог отмежеваться, получив поддержку за антикоррупционные лозунги, и стал одним из последовательных сторонников «войны до победного конца», не считаясь с реалиями на фронте. Образовавшаяся в 1993 г. в результате раскола НФА партия «Мусават» также занимала непримиримую позицию в отношении карабахского сепаратизма. Ее председатель Иса Гамбар, ранее занимавший пост спикера меджлиса, видел решение в налаживании тесных связей с Турцией и Великобританией. Демократическая партия Азербайджана (ДПА), возглавляемая известным политическим деятелем, эмигрантом США, Расулом Гулиевым, занимала более умеренную позицию по Карабаху, допуская переговорный процесс с привлечением миротворческих сил.

До начала глобального кризиса, вызванного пандемией, отчетливо наметилась тенденция сближения власти и оппозиции. Об этом свидетельствует, например, круглый стол «Недопустимость внешнего вмешательства в политические процессы в Азербайджане» (сентябрь 2019 г.). Во вступительном слове лидер «Ана Вэтэн» Фазаил Агамалы выступил против «мягкой» позиции в решении «карабахской проблемы», занимаемой представителями зарубежной диаспоры. Его поддержали ведущие азербайджанские политики: Гудрат Гасангулиев (Партия Единого Народного фронта Азербайджана); Али Алиев (Партия граждан и развития); Панах Гусейнов (Народная партия Азербайджана); Сардар Джалалоглу (Демократическая партия Азербайджана); Фазиль Мустафа (Партия Великого Созидания); правозащитник Новелла Джохар-оглу; представитель «Азери-тюрк» Тазели Рустамханлы и др. [6].

По проблеме Нагорно-Карабаха в отечественной и зарубежной науке появились сотни и даже тысячи публикаций из самых разных кластеров огромного нарратива, обозначая не только сам локальный конфликт между враждующими государствами, но и различные его проявления: от философско-мировоззренческих (корни ксенофобии) и социокультурных (масштабы гуманитарной катастрофы) до этнографических (быт вынужденных переселенцев). В данной работе будет представлена попытка анализа наиболее значимых аспектов карабахской проблемы, существенно повлиявших на развитие ситуации:

Мифологемно-идеологический аспект

Взрыв и лавинообразное разрастание армяно-азербайджанского конфликта на рубеже 1980–1990-х гг. были в значительной степени инициированы мифологемой «врага, оккупировавшего земли предков», зародившейся в научных дискуссиях армянских и азербайджанских интеллектуалов в советский период. Она подогревалась местными политиками националистического толка, переносясь в общественное сознание в качестве доминирующего лозунга. Как отмечает исследователь Константин Юматов: «Именно ученые-гуманитарии сделали из исторической и филологической науки инструмент для политической борьбы» [22, с. 96]. Начало непримиримой эмоционально окрашенной дискуссии в научных кругах и на страницах прессы было положено еще задолго до

перестройки. В 1960-е гг. в одной из монографий крупнейшего историка-востоковеда, ветерана войны, героя Советского Союза, академика Зии Мусаевича Бунятова (1921–1997) выдвигался ряд спорных утверждений по истории древнего государства Великая Армения. Большой резонанс вызвала публикация в 1983 г. книги карабахского автора Зории Балаяна «Очаг», в которой говорилось о притеснениях их народа чиновниками и властями Азербайджанской ССР. Многочисленная критика на книгу стала публиковаться не только в самиздате, но и в свободной печати. Наметилась линия разлома между азербайджанскими (Н. Нейматова, И. Алиев, Р. Геюшев) и армянскими учеными (В. Арутюнян, В. Атаджанян, Х. Барсегян). Одни утверждали, что Карабах (арм. Арцах), Зангезур (арм. Сюник) и другие земли издревле были нейтральными и заселены армянами не ранее X в., указывая как на протогосударство на Кавказскую Албанию. Другие приводили десятки контраргументов, говоря о более древних корнях. Академический спор был перенесен в общество в ходе обсуждения докторской диссертации Фариды Мамедовой. В соседней республике 14 августа 1987 г. в газете «Гракантерте» на армянском языке был опубликован «Официальный ответ» Института истории СССР АН СССР (за подписью А.Н. Сахарова) на запрос сотрудника Института литературы АН Армянской ССР А. Мушегяна о проведении научной экспертизы. В нем говорилось о тенденциозной трактовке событий истории и поверхностном знании диссертантом предмета исследования. Это вызвало гневную реакцию с противоположной стороны. В газете «Адабиятваинчасанат» на азербайджанском языке вышла статья З. Бунятова «Правда бессмертна» (на рус. «Меценатствующий апологет») [2]. При этом, необдуманное выступление Москвы на стороне «исторической правды» армян сыграло негативную роль в разжигании межнациональной розни.

Свидетельством перенесения современных реалий на историческую науку стала полемика в отделении истории АН СССР между историками Ю. Мкртумяном и М. Гусейновым по поводу названия памятника палеолита в Нагорном Карабахе: «Азох» (арм.), либо «Азых»(азер.). Непреднамеренные тупики научных споров стали источником идеологических штампов, используемых националистически настроенной интеллигенцией обеих республик как оружие политических битв. Как указывает К. Юматов: «Поиск доказательств «исконности» стал важнейшей задачей историков и историографов, а за ними журналистов и политиков закавказских республик» [22, с. 97]. Трагические последствия для населения Карабаха и народов двух соседних стран имело формирование альтернативных мифологем «доказанной автохтонности». В исследовании Фариды Шафиева констатируется: «процесс мифологизации имеет эффект мультипликатора и способен воспроизводиться словно цепная реакция» [21, с. 70].

Исторический (историографический) аспект

Во время теледебатов глав государств в Мюнхене после аргументированного обоснования своих претензий на спорную территорию Ильхамом Алиевым прозвучало резонное замечание его оппонента Никола Пашиняна – заглянуть вглубь истории дальше, где картина принципиально меняется. В пылу полемики зачастую упускается, что поиск доказательств исконности проживания должен соотноситься с отсутствием общепринятой хронологии и точки отсчета. Дискуссионный характер могут иметь даже такие устоявшиеся даты, как образование государства Киевская Русь (некоторые историки предлагают сместить ее на два десятилетия раньше к моменту призвания на севере Рюрика, другие, напротив – уверены, что ее нужно отодвинуть на столетие позже к моменту присоединения вятичей – В.Д.).

Неоспорим факт проживания предков азербайджанцев в Карабахском ханстве, образовавшемся на обломках Персидской империи. Как верно и нахождение столетиями ранее армян в провинции Арцах в составе Великой Армении. Картина этногенеза закавказских народов в значительной степени была скорректирована вследствие завоевания турок сельджуков Мухаммеда ибн Дауда и Джалал ад Дина в XI в. и турок-османов в XV–XVII вв. Однако, история, как известно, не знает сослагательного

наклонения, не отменяя процессы ассимиляции и аккультурации и не делая чью-то позицию в современных дискуссиях более предпочтительной.

В постсоветский период эскалация конфликта в значительной мере была инициирована трансформацией мировоззренческих ценностей вследствие краха коммунистической идеологии, породившей крайние формы этноцентризма. Характерно, что в большинстве государств (включая Армению и Азербайджан) доктрина национального величия не являлась творчеством стихийных масс, увлечённых идеей свободы, а возникла в научных аудиториях. Особую роль в этом сыграли структуры, преобразованные в соответствии с изменившейся идеологией: Бакинский институт социального управления и политологии (БИСУП), созданный в 1991 г. на базе Высшей партийной школы и новые образовательные центры: Азербайджанский Западный университет (АЗУ), Институт мира и демократии (ИМД) и др.

Критике «марионеточно-имитационной» гуманитарной науки посвящена работа Гасана Гулиева «Научная стратегия малых стран» (2007). В ней обращено внимание на: заниженные требования ВАКа к публикации монографий; отсутствие эмпирических обоснований; репрезентативность источников; их спекулятивный и компилятивный характер; фактическую ликвидацию систем обсуждения и рецензирования. Как следствие, по его мнению, катастрофическое количество несостоятельных и бездоказательных исследовательских выводов [12, с. 294-295]. Схожую озабоченность ситуацией в науке высказывал один из авторов фундаментальной «Истории Азербайджана» (1960), академик Алисохват Сумбат-заде, еще в советский период обративший внимание на сложности соизмерения албано-кавказского, индоевропейского и тюркского элементов в этногенезе народа (его последние работы были подвергнуты необоснованной критике сторонниками Эльчибея за недостаточное внимание к идеям тюркизма – Д.В.).

Одну из ключевых ролей в конструировании мифа о «вечном» проживании в регионе, игнорируя миграционную концепцию, сыграл профессор Гияседдин Гейбуллаев. В работе «К этногенезу азербайджанцев» (1991) и в ранних трудах, по сути, отрицая археологические и лингвистические данные, он пришел к антинаучному выводу о формировании тюркско-кавказского этноса на данной территории уже к VII–VIII вв., т.е. на несколько столетий ранее турецкого (тюркского) заселения из Центральной Азии (подобная эквилибристика фактами истории аналогична конфессиональным доктринам, например, мормонам, утверждающим, что Иисус Христос посещал Американский континент столетиями ранее своего земного воплощения – В.Д.). Негативная тенденция в постсоветской науке, названная «лингвистической алхимией», была подвергнута критике авторитетным ученым, академиком НАНА Играром Алиевым в статье «Несколько замечаний на авестологическую тему» (2003).

Диаметрально противоположные азербайджанская и армянская версии карабахских событий выступают в качестве единственно верных обоснований. Образ исторического противника содержится в негативной коннотации уже самих названий статей: «лицо врага»; «правда против лжи»; «философия реваншизма»; «замысел агрессора»; «азербайджанский терроризм»; «армянская кровожадность» и пр. В освещении карабахского конфликта приоритет, по замечанию социолога Сергея Румянцева, получили авторы, склонные «реанимировать и переосмыслить прежние обиды» [12, с. 292].

За все время появлялись лишь единичные «совместные тексты» специалистов, пытающихся анализировать причины и возможные пути взаимодействия. В их числе книга Али Абасова и Арутюна Хачатряна «Карабахский конфликт. Варианты решения: идеи и реальность» (2004) и опубликованный в Ереване сборник: «Армения и Азербайджан на перепутье: «ни мира, ни войны»» (2005).

Работы, в которых автор пытается непредвзято представить обе точки зрения, становятся сродни научному подвигу. Показательна в этом отношении работа уже упоминаемого историка с гарвардским образованием Ф. Шафиева, где в хронологической таблице (с глубокой древности до наших дней) приведены противоположные оценки

одних и тех же событий (фактов). Поразительно, но в толковании даже трагичных страниц их новейшей истории (зверства азербайджанцев в Сумгаите и геноцид армян в Ходжалы) реально ответственные стороны усматривают виновников в стане противников. В массовом сознании уживается ложь, как-то: виновники сумгаитских событий 27-28 февраля 1988 г. – это умышленно выпущенные уголовники и сами армяне во главе с Эдуардом Григоряном, а гибель ни в чем не повинных жителей Ходжалы – происки азербайджанской оппозиции с целью свержения тогдашнего президента А. Муталибова. Как отмечает автор: «Люди обрели способность к «выборочной памяти», когда насилие, совершенное противоположной стороной, становится предметом ненависти, в то время как забывается содеянное соотечественниками. События, противоречащие «общей картине», удаляются в «мертвую зону» коллективной памяти» [21, с.77]. Накануне и после победоносной для одной из сторон 2-ой Карабахской войны антагонизм в дискуссиях между учеными-историками двух стран только укрепился.

Геополитический аспект

Многолетняя война двух народов не просто локальное явление, а проявление глубинных противоречий между ведущими политическими силами, интересы которых пересекаются в регионе. Столкновение по проблеме Нагорного Карабаха Турции, России, Ирана, Пакистана, Израиля и других государств носит глобальный характер и во многом определяет замораживание и активизацию фаз конфликта, расстановку сил и ход переговорного процесса. Начало победоносной 44-дневной войны, в частности, наряду с возросшей экономической мощью Азербайджана, было в немалой степени обусловлено открытой поддержкой со стороны президента Турции Р.Т. Эрдогана, а ее завершение и ход переговорного процесса с решительными действиями президента РФ В.В. Путина.

Азербайджанский историк, политолог, религиовед Ариф Юнусов, ссылаясь на крылатую фразу «мы пешки в большой игре», подчеркивает: «Геополитический фактор очень часто рассматривается в Азербайджане в качестве основного объяснения как имеющихся конфликтов и проблем, так и потенциальных» [25, с. 262].

Британский специалист по проблемам Кавказа Томас де Ваал подчеркивает, что наиболее значим в возникновении карабахской проблемы внутренний аспект. Несмотря на значительную роль в конфликте России, например, недопустимо ставить вопрос о «руке Москвы». Государственные интересы Турции, вопреки эмоциональным выпадам ее президента, претендующего на роль нейтрального медиатора, направлены на стабилизацию ситуации внутри своей страны. Иран, являющийся одним из ключевых игроков на политической арене Закавказья, в большей степени озабочен взаимоотношениями с основным северным соседом и ирредентизмом южных азербайджанцев, проживающих на собственной территории. Европейские страны и США также в целом не занимают конкретной позиции, выступая за многовекторную политику [4].

Известный шведский журналист и публицист Сванте Корнелл высказывает противоположную точку зрения, предупреждая о возможных последствиях, скрывающихся в «замороженном» армяно-азербайджанском противостоянии: «Конфликт играет центральную роль в новой геополитике в Евразии и является источником растущей угрозы региональной безопасности Кавказа и всего Среднего Востока» [8]. Он признает – в целом, разрешение конфликта для мирового сообщества трудновыполнимо, но возможно. А основное препятствие – это влияние двух конфронтующих политических региональных блоков. С одной стороны, оси Россия-Армения-Иран. С другой стороны, складывающейся при негласной поддержке США, азербайджанско-турецко-израильской оси. Всякое нарушение *status quo* может иметь общерегиональные последствия. Негативный эффект может вызвать возрастание стратегического значения региона, связанное с добычей и транспортировкой каспийской нефти. Главным дестабилизирующим фактором, по его мнению, является политика России. В целях сохранения былого влияния на Кавказе она в большей степени заинтересована не в

поисках выхода, а в создании дипломатического тупика между Арменией и Азербайджаном. Отрицательные последствия также может иметь неопределённое отношение к конфликту со стороны ведущей мировой державы – США. К возможности окончательного урегулирования С. Корнелл относится скептически: «Всё это делает перспективы разрешения конфликта очень туманными - уж слишком высок уровень подозрительности и недоверия друг к другу не только участников конфликта, но и посредников при переговорах» [8].

Административно-территориальный аспект

Территориальная единица – Нагорно-Карабахская Автономная область (НКАО) в составе Азербайджанской ССР насчитывает почти семидесятилетнюю историю. С одной стороны, это объективная данность, с другой стороны – следствие субъективного, по мнению некоторых авторов, волюнтаристского подхода большевистского правительства. В течение суток судьба территории в 4,4 тыс. кв. км с проживающим на ней более 150 тыс. населения (с подавляющим преобладанием армянского) была решена неоправданным присоединением к конфессионально и ментально чуждому государству.

В декабре 1920 г. азербайджанское коммунистическое правительство отказалось от прежних претензий на Нагорный Карабах, Зангезур, Нахичевань и ряд других территорий, признав их частью Советской Армении (документы Ревкома подписаны Н. Наримановым – Д.В.). Это решение вызвало одобрение в ЦК РКП (б) и с воодушевлением отражено в центральной прессе (газета «Правда» от 4.12.1920, газета «Коммунист» от 7.12.1920 и др.) [20, с. 58]. Однако, под давлением местной интеллигенции руководство республики возобновило претензии, обратившись в Москву. Инициатива не была поддержана. На заседании Кавбюро 4 июля 1921 г. большинство проголосовало за включение Нагорного Карабаха в состав Армении. Но уже на следующий день 5 июля решение было пересмотрено в пользу передачи территорий Азербайджану. Резолюция была проведена в жизнь в 1923 г., закрепив образование НКАО. По мнению большинства исследователей, такой выбор не следует объяснять политико-юридической неграмотностью, либо управленческой ошибкой. Данные события напрямую связаны с результатом недавних переговоров вновь образованной советской державы с Турцией. Первоочередной задачей во внешней политике в тот период было международное признание и налаживание дипломатических связей, прежде всего, с сопредельными странами. Во время военных действий Первой мировой войны различные земли неоднократно переходили из рук в руки: становясь армянскими, затем турецкими, потом российскими. Следовательно, вопрос о справедливом урегулировании территориальных споров не мог стоять на повестке дня.

16 марта 1921 г. был заключен московский мирный договор с Турцией, в соответствии с которым она получала Карскую область и Сурмалинский уезд бывшей Российской империи, а Нахичевань и Нагорный Карабах отходили к Азербайджанской ССР, поэтому всякое изменение статус-кво было чревато осложнением отношений со стратегическим партнером. Вполне вероятно, что такое судьбоносное, а возможно и роковое решение для дальнейшего армяно-азербайджанского противостояния было принято по личной инициативе И.В. Сталина. В то же время, это не свидетельствует о «коварных планах будущего диктатора» и его сговоре с влиятельным в регионе лидером Кемалем Ататюрком (в публикации армянской стороны).

На протяжении существования НКАО Азербайджаном крайне мало делалось для развития культуры, сохранения прав и идентичности армянского меньшинства. Оно имело ограниченные возможности для трудоустройства, наблюдалась дискриминация по этническому принципу в занятии руководящих должностей. По причине минимального инвестирования экономики области по остаточному принципу – она переживала стагнацию, оставаясь отсталым аграрным регионом. Республиканское руководство, по сути, вынуждало армянское население эмигрировать и, напротив, – поощряло приток азербайджанских переселенцев. В результате к 1979 г. доля армян упала с 95 до 76%, а

количество азербайджанцев возросло почти в пять раз (с 5 до 23%) [19]. Нарушались культурные традиции и обычаи армянского меньшинства, в местных школах запрещалось преподавание армянской истории, разрушались архитектурные памятники, фактически проводилась ассимиляционная политика.

Политико-правовой аспект

Посреднические усилия для урегулирования конфликта, предпринимаемые Минской группой ОБСЕ под председательством Франции, России и США, до настоящего времени не принесли ощутимых результатов. Главное препятствие на пути разрешения конфликта – диаметрально противоположные подходы двух стран в вопросе о статусе самопровозглашенной Нагорно-Карабахской республики (НКР): Армения настаивает на независимости региона и отвергает какие-либо предложения о его автономном статусе в составе другого государства. Азербайджан, стремясь сохранить свою территориальную целостность, отвергает любые инициативы, которые могут привести к отделению. Как считают юристы, в данном случае произошло непримиримое столкновение двух незыблемых принципов международного права: территориальной целостности и права на самоопределение. Достичь «золотой середины» практически не представляется возможным в силу взаимоисключающих требований сторон. Все предложения Минской группы о поэтапном урегулировании и попытке сближения в этом вопросе оказываются нереализованными на практике: в 1997 г. в Страсбурге; в 2001 г. в Ки-Уэсте (США); в 2006 г. в Рамбуйе (Франция) и мн. др.

Согласно Т. Де Ваалу, следует избегать, как минимум, трех неверных интерпретаций карабахского конфликта. Во-первых, отказаться от аргумента о «вековой ненависти» двух народов, так как есть масса убедительных свидетельств о торговле, партнерском взаимодействии и сотрудничестве двух народов вплоть до начала XX в. Во-вторых, признать заблуждением, что по примеру войны в Чечне, конфликт – это следствие непродуманных решений в высших эшелонах власти. В ситуации с НКАО партийное руководство СССР, начиная с 1988 г., было скорее пассивным наблюдателем, нежели разжигателем конфронтации, реальной же силой, развязавшей кровопролитие, является стихийное общественное движение. В-третьих, не следует усматривать причины конфликта исключительно в сфере социально-экономических интересов сторон. Это было наглядно продемонстрировано в 1998 г., когда забастовки и прекращение транспортного сообщения, инициированные политиками, указывали на их готовность понести всякий материальный урон. Одним же из фатальных заблуждений, как он считает, является попытка представить Азербайджан пособником Турции, лелеющей историческую мечту об уничтожении Армении. В этом стереотипе, распространенном в армянской среде, есть существенный недостаток – сохраняя память о страшном геноциде 1915 г., не следует отождествлять турок и азербайджанцев, которые не являются одной нацией и не несут ответственности за события чужой истории [3].

Ирредентистский (сепаратистский) аспект

Многие специалисты указывают на необходимость рассматривать конфликт Армении и Азербайджана в контексте проблемы ирредентизма. Провозглашение 2 сентября 1991 г. суверенной Нагорно-Карабахской республики (НКР) до сих пор непризнанной ни одним государством – членом ООН (в том числе и Арменией) вполне правомерно рассматривать азербайджанской стороной как проявление сепаратизма (что и подтверждено Постановлением Верховного Совета Азербайджана от 26.11.91 г.). Допустимо также расценивать этот акт как естественное стремление двух насильственно разделенных народов воссоединиться в границах одного государства. Само понятие «ирредентизм» (от итал. *irredento* – «неосвобожденный»), появившееся еще в конце 19 в. в кругу исследователей национально-освободительного движения в Италии под предводительством Дж. Гарибальди, в настоящее время достаточно изучено и востребовано в рамках социальных наук и политологии. Ряд учёных понимает под ирредентизмом некую «отрицательную синергию», пронизывающую все слои общества

посредством доминирующей объединительной идеи. При этом, ирредента воссоединения может искусственно конструироваться и навязываться сверху в угоду конкретной националистической доктрине помимо воли и осознанного согласия самих разделенных этнических меньшинств внизу: показательный пример, апелляция к восстановлению «исторической правды» о немцах в чехословацких Судетах и французском Эльзасе 1930-е гг.

Ситуацию в Нагорном Карабахе с ирредентизмом этнических армян едва ли можно рассматривать в этом контексте. Позиции элиты и масс рядовых граждан о воссоединении народа в данном случае целиком совпадают. В то же время, можно согласиться с мнением социолога Елены Москальчук: «...ирредентистские вооруженные конфликты в Нагорном Карабахе и Южной Осетии. Корни этого в том, что в прежде единой стране СССР политику и идеологию интернационализма пытались сочетать с национальной политикой широкого федерализма и автономии, что заложило ряд противоречий и будущих конфликтов после распада государственно-идеологического единства народов» [10].

Этноконфессиональный аспект

Прогноз Самюэля Хантингтона о глобальном столкновении в XXI в. мусульманской и христианской цивилизаций не оправдался, но трагедия 11 сентября 2001 г. показала мировому сообществу реальность угрозы исламского фундаментализма, отдельные элементы которого присутствовали и на различных этапах нагорно-карабахского конфликта. По замечанию религиоведа Романа Силантьева: «Первоначально армяно-азербайджанский конфликт носил сугубо межэтнический характер, затем стал межгосударственным и постепенно стал приобретать религиозную составляющую» [18]. Крайнюю обеспокоенность европейского сообщества, прежде всего, вызывала потенциальная угроза исламизма с азербайджанской стороны. В ряде своих работ историк А. Рагимова приходит к выводу, что освещение карабахской проблемы в СМИ преподносилось как религиозное противостояние между цивилизованными армянами и фундаменталистами – азербайджанцами. Как следствие, многие государства мирового сообщества встали на армянскую сторону [13-17]. В ходе карабахского противостояния действительно встречались призывы борьбы с инаковерующими, акты святотатства (например, одна из армянских церквей в Баку была переоборудована в кафе – Д.В.), а радикально настроенные правоверные требовали от шейха Аллахшукюра Паша-заде объявить Армении джихад. Однако, благодаря конструктивной и взвешенной позиции исламских и христианских духовных иерархов в обеих странах удалось предотвратить перерастание конфликта в межконфессиональный.

К концу XX в. из 8 млн жителей страны 96% идентифицировали себя мусульманами шиитского толка. Однако, отношение к исламу было своеобразным: большинство населения относилось к нему секулярно, как к части традиционной культуры (закреплено в Конституции 27.11.1995). Общество отнеслось к религии как к альтернативе коммунистической идеологии, а радикальные течения фактически не имели социальной базы. Ситуация поменялась с развитием событий на карабахском фронте. В 1993–1994 гг. Иран открыл в стране лагерь для беженцев (около 100 тыс.), где велось активное миссионерство и создавались экстремистские организации («Вилаяти аль-Фагих Хизбуллах»). Появились первые ваххабиты из Саудовской Аравии и Кувейта. За противодействие мирному урегулированию конфликта зарубежные миссионеры стали водворяться из страны. Лидер Исламской партии Азербайджана (ИПА) Алиакрам Алиев и десятки активистов были арестованы по обвинению в шпионаже. Не будучи формально запрещенной, партия действовала подпольно.

В 1999 г. по геополитическим соображениям (принятие в ЕС) религиозные активисты были помилованы, молодежь отправляли на учебу в заграничные центры, где незаконным путем многие вовлекались в террористическую деятельность «Джейшуллах» («Армия Аллаха»). Большой общественный резонанс получило убийство в феврале 1997 г. убежденного противника исламизации – академика Зии Буниятова.

Из Турции прибывали сторонники нурсизма (радикального направления суннизма). Их община, возглавляемая Мухаммедом Фатуллах Гюленом, располагала значительными медийными и образовательными ресурсами: газеты, журналы, телеканал «Саманйол» (STV), 6 университетов, 250 лицеев [24, с.165]. В Баку была сооружена мечеть «АбуБакр», ставшая центром ваххабизма в республике, а глава мечети – Ахунд Гамет Сулейманов его негласный лидер. Всего по официальным данным Духовного управления мусульман Кавказа (ДУМК) к началу XXI в. в Азербайджане действовало более 1300 мечетей (около 100 под контролем ваххабитов) [24, с.166]. С 1997 по 2003 г. число их сторонников достигло 10 тыс., увеличившись в пять раз. По мнению исследователей, успех радикального суннитского течения в шиитской стране, в первую очередь, обеспечивался широкими финансовыми возможностями, а также тяжелым экономическим положением, обнищанием населения, неурегулированностью карабахского конфликта (аскетические установки ваххабизма популярны у бедных слоев – Д.В.). Вследствие, наметилось разобщение азербайджанской нации по конфессиональному признаку: шииты (почти 60%), сунниты (около 30%), иные мусульманские течения (10%). На рубеже веков Азербайджан являлся активным участником антитеррористической коалиции. По свидетельству главы Министерства Национальной безопасности Намика Аббасова, в период с 1998 по 2003 г. были выявлены и выданы зарубежным партнерам около 40 террористов арабов [24, с. 167] и осуждены на длительные сроки 70 ваххабитов-азербайджанцев.

Медийно-информационный аспект

К концу XX в. СМИ, в соответствии с утверждением одного из оригинальных современных мыслителей Жана Бодрийяра, являлись не просто «пятой властью», но уже не столько отражали, сколько конструировали социальную реальность [1]. Наглядным примером является роль СМИ в нагнетании напряженности в армяно-азербайджанском противостоянии на ранних этапах: «...опыт кавказских конфликтов показал, что неконтролируемый информационный поток может быть инструментом, которым активно пользуются националисты и религиозные фундаменталисты для достижения своих целей» [23, с. 149]. В своем исследовании А. Мелик-Шахназарова подчеркивает особую роль местной газеты «Советский Карабах», тираж которой в эпоху гласности увеличился до 88 тыс. экземпляров. В репортажах с мест событий отражалась непредвзятая позиция, соответствующая чаяниям населения (в отличие от сообщений в центральной прессе, где факты интерпретировались согласно линии партии) [9, с. 346-347].

Осенью 1987 г. в Степанакерте стало формироваться армянское национальное движение, а в Ереване под эгидой экологических митингов впервые прозвучали призывы воссоединения с НКАО. В центральной прессе об этих событиях в регионе фактически не сообщалось. ТАСС усматривало истоки конфликта в лице криминальных элементов, перегибах партноменклатуры на местах и происках идеологических противников Запада. Главные редакторы центральных газет получали строгие инструкции из ЦК КПСС об освещении событий с поставленной задачей – не вызывать отрицательных эмоций у населения. Наставления оказывались контрпродуктивными, вызывая негативную реакцию, а информация воспринималась как фальсифицированная и недостоверная [11, с. 92].

О событиях в Сумгаите граждане СССР были оповещены газетой «Правда» лишь 10 марта, хотя поток беженцев-азербайджанцев из Армении начался уже в феврале 1988 г. Юрий Помпеев приходит к выводу, что ограниченность информации о региональном конфликте способствовала рождению слухов, захвату инициативы радикальными элементами и резкому обострению ситуации. Материалы таких изданий, как: «Коммунист» (Армения); «Бакинский рабочий»; «Молодёжь Азербайджана» и другие нередко выполняли роль детонатора в эскалации конфликта [11].

В XXI в. новые технологии и создание цифровой сети многократно увеличили степень воздействия на массовое сознание. В условиях блогосферы, общения в соцсетях и

зашкаливающей фейковой информации, больше фактически не стоит вопрос о журналистской этике и цензуре. Окончательно подтвердилось пророчество знаменитого канадского мыслителя, основоположника рекламы на телевидении, Маршалла Маклюэна о приходе на смену «Галактике Гуттенберга» (письменной культуре с логико-понятийным мышлением) – эпохи масс-медиа с принципиально иными способами передачи, обмена и восприятия сведений о мире. Общеизвестность всевозможных сайтов с миллионами посетителей и телеграм-каналов способна в считанные дни не только усилить, либо ослабить социальную напряжённость в определённом регионе, но и осуществлять «твиттер-революции» (Иран, Тунис, Беларусь, Молдова) и даже кардинально менять власть в стране (Ливия).

В заключение необходимо отметить, что особой датой новейшей истории Азербайджана стало 8 ноября 2020 г. В первый же день перемирия в 44-дневной войне с Арменией президент Ильхам Алиев объявил о завершении Отечественной войны и восстановлении территориальной целостности государства. День отвоевания древнего этнокультурного тюркского центра в Нагорном Карабахе г. Шуши был объявлен Днем Победы (включен в число государственных праздников, наряду с 9 мая). Повсюду проводились салюты, торжественные шествия, митинги, народные гуляния. Большинство обозревателей этих недавних событий подчеркивают небывалое единение в стране правящей партии «Ени Азербайджан», оппозиционных сил и практически всех слоев населения.

Во время проведения торжественного парада месяц спустя, как отмечает репортер Иса Джавадов, первоначальный моральный порыв жителей страны уже не был так заметен [7]. У критически мыслящей части населения стали возникать сомнения в окончательности Великой победы. И, прежде всего, интересовала судьба не присоединённых районов НКР, сохраняющих независимый статус: Ханкенди (Степанакерт), Ходжавент (Мартуни), Ходжалы и др. Согласно экспресс-опросу, проведенному по заказу бакинского отделения радио «Свобода», многих респондентов беспокоило несоответствие между заявлениями президента и самим текстом документов, подписанных трехсторонней комиссией 10.11.2020 г. А депутат Милли Меджлиса Расим Мусабеков подчеркнул бесперспективность переговорного процесса с представителями НКР, так как он не гарантирован признанием ими Конституции Азербайджана. Наиболее болезненными вопросами, не имеющими убедительного толкования в документах, называют: 1) присутствие в Лачинском коридоре, соединяющем Карабах с Арменией, российского воинского контингента (с миротворческой миссией сроком на 5 лет); 2) неопределённый статус Зангезурского коридора, соединяющего Нахичевань с основной территорией Азербайджана (согласно 9 пункту он сохраняется как зона взаимной ответственности); 3) нерешённость вопроса о размерах денежного возмещения противником за нанесенный ущерб.

Можно констатировать нерешенность карабахского вопроса. Торжественные мероприятия, проводимые в стране год спустя, еще больше обозначали существующие проблемы и наметили тревожные тенденции: снижение, вследствие глобального локдауна и закрытия границ, темпов экономического развития и уровня жизни населения. Решительными противниками российского посредничества, критикующими необоснованную уступку РФ, выступают партия «Республиканская Альтернатива» и лидер ПНФА Али Керимли. В одной из публикаций в конце 2020 г. Т. Де Ваал пришел к выводу, что новая карта Закавказья, сложившаяся после победоносной 2-й Карабахской войны, принесла преференции не столько Азербайджану, сколько его северным и южным соседям, увеличившим свое влияние в регионе: «В этой войне, победили и Россия, и Турция, а среди проигравших не только Армения, но и западная дипломатия» [3].

Таким образом, незначительный участок пограничной территории между сопредельными этноконфессионально разнородными государствами (индоевропейцы-христиане и тюрки-мусульмане) стал узлом неразрешимых противоречий, периодически

перерастающих в кровопролитные вооруженные столкновения. В новейшей истории Азербайджана фактором, связывающим воедино фактически все сегменты социально-политической жизни уже около полувека, остается Нагорно-Карабахский конфликт с Арменией. Огромный исследовательский опыт, накопленный в изучении данной проблемы, свидетельствует о наличии сложных дискуссионных аспектов, требующих их глубокого и всестороннего анализа.

Литература

1. *Бодрийяр Жан*. Реквием по масс-медиа // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии ИС РАН. М.: Институт экспериментальной социологии. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1999. – С. 193-226.
2. *Бунятов З.М.* Меценатствующий апологет // Известия Академии наук Азербайджанской ССР (серия истории, философии и права). – 1987. – № 4. – С. 133–136.
3. Ваал Томас де. Черный сад: Армения и Азербайджан между миром и войной / Томас де Ваал; пер. с англ. О. Алякринского. – Москва: Текст, 2005. – 411 с.
4. Ваал Т. де: «Баку и Ереван не ведут честного разговора с обществом о Карабахе» / Эхо Кавказа. 06.04.2016 / [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/27658761.html> (дата обращения: 27.11.2021).
5. *Вачагаев М.* "Проиграла не только Армения". Политолог Томас де Ваал – о судьбе Нагорного Карабаха // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kavkazr.com/a/30980101.html>. (дата обращения: 22.11.2021).
6. В Баку прошел «круглый стол» с участием ряда политических партий / Вести Азербайджана6 политика. 11.09.2019 / [Электронный ресурс]. URL: <https://vesti.az/xeber/politika/v-baku-proshel-kruglyj-stol-s-uchastiem-ryada-politicheskikh-partij-obnovleno-foto-381917> (дата обращения: 27.11.2021).
7. *Джавадов Иса*. Почему в Азербайджане остались недовольны победой над Карабахом // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.discred.ru/2020/12/10/pochemu-v-azerbajdzhane-ostalis-nedovolny-pobedoj-nad-karabahom/> (дата обращения: 24.11.2021).
8. КорнеллСванте. Конфликт в Нагорном Карабахе: динамика и перспективы решения // [Электронный ресурс]. URL: https://old.sakharov-center.ru/publications/azrus/az_015.htm. (дата обращения: 19.11.2021).
9. *Мелик-Шахназаров А.А.* Нагорный Карабах: факты против лжи. Информационно-идеологические аспекты нагорно-карабахского конфликта [Текст] / А.А. Мелик-Шахназаров. – Москва: Волшебный фонарь, 2009. – 418 с.
10. *Москальчук Е.И., Касабуцкая М.С.* Ирредентизм в пространстве российско-украинских отношений // [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.12.13> (дата обращения: 27.11.2021).
11. *Помпеев Ю.А.* Карабахский дневник [Текст] / Ю.А. Помпеев. – Москва: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. – 415 с.
12. *Румянцев С.* Первые исследователи и первые специалисты: ситуация в области социальных и гуманитарных наук в постсоветском Азербайджане // *Laboratorium*. – 2010. – № 1. – С. 284-310.
13. *Рагимова А.Ф.* Роль неправительственных организаций в развитии международных отношений Азербайджана (вторая половина 90-х годов -2002г.) [Текст]: дис. ... канд. истор. наук / А.Ф. Рагимова. – Москва, 2003.
14. *Рагимова А.Ф.* Общественно-политические объединения в системе гражданского общества в постсоветский период (на примере Азербайджана). // Политические партии и проблемы развития демократии и парламентаризма. – Москва: МГПУ, 2001. – С. 124-132.

15. *Рагимова А.Ф.* Россия и Азербайджан: стратегическое взаимодействие. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. – 2013. – № 2 (12). – С. 96–106.
16. *Рагимова А.Ф.* Россия и СНГ: аспекты гуманитарного сотрудничества (на примере Азербайджана) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. – 2010. – № 2. – С. 79–92.
17. *Рагимова А.Ф.* Россия и Азербайджан: основные направления молодежной политики // Молодежь на рубеже столетия. Сборник научных статей. – Москва: МГПУ, 2011. – С. 148–157.
18. *Силантьев Р.* Религиозный фактор во внешнеполитических конфликтах на Кавказе // Религия и конфликт. – Москва, 2007. – С. 40-51.
19. *Старовойтова Г.В.* Нагорный Карабах // [Электронный ресурс]. URL: <http://ru-90.ru/content/старовойтова-гв-нагорный-карабах>(дата обращения: 26.11.2021).
20. *Ульянова Ю.* Административная судьба Нагорного Карабаха // Наука. Инновации. Технологии. – 2006. – №45. – С. 56-61.
21. *Шафиев Ф.* Этнические мифы и предубеждения как препятствие на пути урегулирования противостояний: армяно-азербайджанский конфликт // Кавказ и глобализация. – 2007. – №2. – С. 68-80.
22. *Юматов К.В.* Дискуссии по проблеме Нагорного Карабаха в научной и периодической печати Армении и Азербайджана в 1987-1991 гг // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2010. – №330. – С. 95-99.
23. *Юматов К.В.* Роль средств массовой информации в нагорно-карабахском конфликте // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – №4 (25). – С. 149-155.
24. *Юнусов А.* Исламский фактор в Азербайджане // Политика. №4 (47). – 2007. – С. 164-183.
25. *Юнусов А.* Современная политическая ситуация в Азербайджане // «Кавказский сборник». – Москва, 2004. – С. 262.